

РЕЦЕНЗИИ

Л.Г. Панин

Новосибирский государственный университет

Исаченко Т.А. Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV – XVII вв. М.: Пашков дом, 2009. 336 с.

Аннотация: В рецензируемой монографии ставятся вопросы места переводных сочинений в истории национальной литературы, зыбкости границ между переводной и оригинальной книжностью, нелинейного развития русской переводной литературы. Представлено ранее неизученное наследие нескольких переводческих школ Москвы, оказавших значительное влияние на развитие русской культуры. По мнению автора, переводческая деятельность развивалась в рамках трех основных направлений: ориентации на греческие источники, (наиболее яркой фигурой здесь был Евфимий Чудовский), ориентации на западноевропейские источники, и обособления от греческих и западноевропейских образцов, характерного для старообрядческой школы перевода.

The present study reveal such general problems as role of translation in national literature, vagueness of boundary between translated and original literature, impossibility to represent the history of Russian translation as a linear onward progress movement. The main focuses is on heritage of Moscow schools of translation, very important for Russian book culture but little-studied to date. The author argues all the activity was developing in three directions: orientation on Greek sources (the outstanding figure was Euphymius Tchudovvski), orientation on West-European sources, and standing apart from both of them (Old Believers' position).

Ключевые слова: древнерусская книжность, школы перевода, библейские переводы, Чудов монастырь, Евфимий Чудовский.

Old Russian Literature, History of Translation, Bible Translation, the Moscow Monastery of the Miracle, Euphymius Tchudovvski.

УДК: УДК: 811.161.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. (383) . E-mail: decanat@gf.nsu.ru.

Место переводных сочинений в истории национальной литературы – вопрос очень тонкий и часто болезненный, вызывающий, возможно, наиболее острые споры среди историков словесности. Нельзя забывать о том, что в традиции христианской культуры текст уже написанный приобретает особое значение, он по определению ценен гораздо более текста, который только готовится быть написанным. Здесь кроются истоки приоритета иноязычного оригинала в глазах древнерусских книжников – явления, описанного А.И. Соболевым и цитируемого Т.А. Исаченко в самом начале исследования. Такое отношение к письменному тексту культурой Нового времени было утрачено. Как бы ни был вовлечен в православный контекст современный исследователь, как бы ни идентифицировал он себя с изучаемым книжником и какую бы духовную близость с ним не ощущал, наше время неизбежно накладывает отпечаток на его отношение к исследуемому явлению и влечет за собой некоторые вполне предсказуемые ошибки. В данном случае речь идет о все еще распространенной недооценке значения перевода. Пе-

реводная письменность до сих пор недостаточно освещена в истории древнерусской словесности. В силу общего подхода нашей современной культуры к процессу творчества гораздо более пристальное внимание уделяется оригинальным сочинениям. Между тем преобладание переводных произведений в общем массиве наследия древнерусской книжной культуры и зыбкость границ между переводной и оригинальной книжностью в контексте христианской традиции признаются большинством современных исследователей.

Работа Т.А. Исаченко может рассматриваться как существенный шаг по направлению к тому, чем должна стать история отечественной словесности: комплексным анализом переводной и оригинальной книжности во всем многообразии их интертекстуальных и иных связей. Монография вводит в поле зрения историков словесности наследие нескольких переводческих школ, по различным причинам не вышедших за пределы митрополичьего (а с XVII в. – патриаршего) скриптория и не получивших последующего распространения, но оказавших значительное влияние на развитие русской культуры.

Пространство перевода взято в нескольких срезах: языковом, литературном, историко-культурном. На глобальном уровне оно представлено как арена взаимопроникновения славянского и латинского мира. Общие особенности этого процесса проявляются в таких явлениях, как полемика вокруг разных принципов перевода и ориентаций на разные источники и разные языки, и реализуются в конкретных лексических формах, найденных переводчиками для наилучшей с их точки зрения передачи оригинала.

В ходе исследования выделены две жанрово-стилистические группы памятников, каждая из которых составила предмет отдельной главы: переводы библейских текстов и переводы текстов энциклопедического характера. Автор дважды указывает (в общем предисловии и в начале главы второй) на то, что «принципы перевода этих групп различны». К сожалению, четкой оппозиции упомянутых принципов, которой можно ожидать после такого заявления, мы не находим, ее приходится достраивать по материалам соответствующих глав.

Первая глава «Библейские переводы в контексте истории культуры» посвящена исследованию малоизвестной редакции Нового завета переводе последней трети XVII в. с греческого языка и сопоставлению осуществленных параллельно с ним альтернативных ветхозаветных переводов, появившихся в среде образованных книжников из патриаршего окружения: перевод Книги Иова, выполненный иноком Моисеем (1671 г.), перевод Псалтири Рифмотворной, выполненный Симеоном Полоцким (1682 г.) и перевод Псалтири (1683 г.) Авраамия Фирсова.

Вторая глава посвящена изучению «энциклопедических» переводов митрополичьей ризницы – хронографической «Александрии», впоследствии включенной в Лицевой летописный свод, Травника великого князя Василия III (1534 г.) и «Тайная Тайных». В числе энциклопедических переводов рассматривается «Прохладный вертоград» в редакции 1672 г. – лечебник, списки которого приобрели огромную популярность в последующие века, – а также другие медицинские переводы из библиотеки Аптекарского приказа. «Тайная тайных», Травник и «Прохладный вертоград» были в числе текстов, привнесенных на Русь представителями рационалистического понимания научного знания и сформировавших своеобразный круг естественнонаучной литературы.

Предмет заключительной главы монографии – книгописание и переводческая деятельность Чудова монастыря во второй половине XVII в. Чудовский скрипторий второй половины XVII в. рассматривается не только как книгописная мастерская, но прежде всего как школа перевода. Помимо выявления связей Чудовского скриптория с другими культурными центрами Руси, сделан новый шаг в изучении творческого наследия Евфимия Чудовского, его переводческого и эпистолярного наследия. Центральное место среди переводов, подготовленных в скриптории Чудова монастыря, занимает перевод Нового Завета в редакции

1674–1679 гг., далее следует корпус церковно-канонических текстов и переводов, полемических сочинений представителей чудовской школы. Важным источником оказывается малоизвестная до сих пор полемика с «латинствующими» и «протестантствующими».

В результате автор приходит к выводу, что история русской переводной литературы не может быть представлена в виде линейного поступательного движения. Развитие проходит прерывисто, в нем можно выделить характерные для переходных эпох остановки и периоды кажущегося регресса, которые тем не менее нельзя расценивать однозначно.

Принципы перевода наиболее четко систематизированы применительно к первой группе памятников – новозаветным и ветхозаветным текстам.

Основополагающим для переводческой практики школы, ориентирующейся на греческие источники и образцы (в полемических сочинениях она названа «еллинословенской»), как и в древнерусской практике киевского периода, является «мышление по подобию». В широком смысле это явление понимается как воздействие языка – выразителя мировоззрения и языка в целом, со всеми используемыми в нем литературными и стилистическими приемами. При этом язык-архетип и язык перевода находятся в отношении, имеющем фундаментальную первооснову для средневекового мировоззрения, в отношении прототипа и образа. Греческий язык – основа перевода – мыслился как прототип, это придавало определенный вес языку перевода, на который переносился авторитет оригинала, и который выступал в данном случае как образ оригинала.

Неуклонно соблюдается принцип комментирования с многократным возвращением к одному и тому же месту. Цель подобного подхода определяется автором как максимально полные экзегеза и глоссирование, а стиль работы переводчика объясняется его установкой на «своеобразную двухаспектную герменевтическую модель, при которой переведенный и исходный тексты представляются как бы взаимодополняющими компонентами единой системы».

Важная особенность переводов, выполненных и исправленных наиболее ярким представителем этой школы Евфимием Чудовским, – строгий буквализм, пословное согласование с оригиналом. Автор видит в этом явлении, с одной стороны, орудие обороны – как полный отказ от истолкования оригинала, с другой – своеобразное орудие наступления на любую попытку толкования, указывая на то, что свобода перевода автоматически влечет за собой разнообразие его толкований.

К особенностям школы Евфимия отнесены: 1. Система пословного перевода с однозначным соответствием переводимых и переводящих лексем, с поморфемным калькированием терминологической и общенаучной лексики, с сильно выраженной тенденцией к «грецизации» на всех уровнях результирующего текста. 2. Система многослойной правки, избыточное глоссирование в виде добавочных вариантов на полях, большое количество черновиков.

В противоположность этому подходу переводы западников характеризуются свободным выбором языка исходных текстов (латинским, немецким, польским и т.д.). Перевод Книги Иова, осуществленный монахом Чудова монастыря Моисеем в 1671 г., и перевод Псалтири Рифмотворной, выполненный Симеоном Полоцким (1682 г.), следуют католическим образцам латинской традиции («латинствующими»), перевод Псалтири 1683 г. Авраамия Фирсова – протестантским («протестантствующими»).

Особенности перевода школы, ориентировавшейся на западную традицию, не находят такой развернутой систематизации, как принципы «еллинословенских» переводчиков. Некоторые выводы сделаны по ранее неизвестному науке переводу наиболее трудной среди библейских книг, Книгой Иова. Исключительно разнообразный словарь, поэтические образы и философские рассуждения делают процесс перевода необычайно сложным. Несмотря на это, автор констатирует

отсутствие избыточного глоссирования и развернутых экзегетических толкований.

Очевидно, некоторые принципы перевода «западного направления» выявляются также на материале энциклопедических текстов, рассмотренных во второй главе, в частности, переводческой деятельности Николая Бюлова, создателя Травника для великого князя Василия III – первой медицинской энциклопедии Руси (1534). Перед переводчиком, который работал с немецким и латинским текстом, стояла задача точного воспроизведения специального средневекового немецкого текста на современном ему языке Московской Руси XVI в., что требовало знания его соответствий системе терминов средневековой фармацевтической латыни. Эта задача была решена с помощью этимологизирования и частичного калькирования лексики.

К особому, третьему направлению автор относит старообрядцев. Их лингвистическая позиция охарактеризована как обособление и от западных («немецких»), и от восточных («греческих») образцов.

По материалам первой главы автор предлагает параметры оценки деятельности отдельных переводчиков и школ перевода в целом. Это выбор результирующего текста, («ориентация переводчика на определенный, более или менее идеализированный тип текста, то, каким бы переводчик хотел (сознательно или бессознательно), в конечном счете, видеть свой текст»); выбор модели перевода, включая совокупность технических параметров: способов калькирования, контекстной синонимии, иноязычных вкраплений, глоссирования, избыточную вариантность лексики; ориентация на конкретную культурно-историческую и идеологическую традицию, на определенный культурный ареал, на конкретный язык и памятники этого языка.

В заключение я должен отметить, что обсуждаемая монография является тщательно выполненным исследованием по актуальной научной теме, открывающим новые перспективы культуроведческих и историко-филологических исследований, имеющим большую теоретическую значимость для современной науки, практически значимым для многих филологических и культурологических направлений и для вузовского преподавания.